

В. А. Жуковскій.

ЧЕЛОВѢКЪ и ПОЗНАНІЕ

у

ПЕРСИДСКИХЪ МИСТИКОВЪ.

РѢЧЬ,

читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

8 Февраля 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1895.

В. А. Жуковскій.

ЧЕЛОВѢКЪ и ПОЗНАНІЕ

у

ПЕРСИДСКИХЪ МИСТИКОВЪ.

РѢЧЬ,

читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

8 Февраля 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1895.

ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЗНАНІЕ

У

ПЕРСИДСКИХЪ МИСТИКОВЪ *).

Мм. Гг!

Мудреная загадка «Мірѣ и твореніе» съ незапамятныхъ временъ приковывала къ себѣ умъ человѣческій, и всѣ народы земнаго шара, какъ бывшіе, такъ и доселѣ живущіе, массаами и отдѣльными единицами, силились разгадать ее: изъ этихъ разгадокъ однѣ отличались большею живучестью, властностью и господствомъ и продолжаютъ царить, другія были кратковременны, мимолетны, раздѣлялись немногими, исчезли и мертвы, представляя теперь собою холодные обломки человѣческой мысли; однѣ удовлетворяли болѣе разумъ, другія—сердце.

Къ числу такихъ многочисленныхъ попытокъ и усилій разрѣшить мучительную загадку принадлежитъ суфизмъ, ученіе восточныхъ мусульманскихъ «мудрецовъ», если въ ихъ названіи—*суфи* мы признаемъ греческое слово σοφός, и «мужей, облакавшихся въ шерстяныя ткани», если это названіе мы будемъ производить отъ араб-

---

*) Автору источниками служили прежде всего: соч. Ансари—*псевдо-Меназиль аль-саиринъ* и соч. Рази—*Мирсадъ аль-ибадъ минъ аль-мебда иля ль-меадъ*, а затѣмъ соч. Джуляби—*Кашифъ аль-махджубъ*, соч. Газзали—*Кимія-и сзадатъ*, соч. Кушайри—*Рисалетъ* и толкованіе Мухаммеда Лахиджи на соч. Шебестери—*Гульшен-и разъ*.

скаго *соуфъ*—шерсть;—ученіе столь же старое, какъ и самъ исламъ. Эти мудрецы, для раскрытія тайны природы слившіе въ своемъ возвышенномъ и поэтичномъ міровоззрѣніи философію съ откровеніемъ, создали ученіе объ единствѣ во множествѣ и множествѣ въ единствѣ—*вахдэтъ дэръ кесрэтъ ве кесрэтъ дэръ вахдэтъ* и говорятъ, что до начала временъ существовала абсолютная Сущность—*зат-и мутлякъ*, единая, вѣчная, всесовершенная Истина—*хаккъ* (Богъ, Творецъ), которая сама для себя, обособившись въ Величайшемъ Духѣ—*рух-и азамъ* или Всеобщемъ Умѣ—*акл-и куль*, выдѣлившемъ Всеобщую Душу—*нафс-и куль*, разливаясь какъ море въ нисходящей степени на капли, проявилась всѣми своими именами, качествами и дѣйствіями во всѣхъ видимыхъ и воображаемыхъ формахъ и идеяхъ (*species*) и произвела такимъ образомъ міръ очевидности, матеріальный—*алем-и шехадэтъ* и міръ сокровенности, духовный—*алем-и гайбъ*.

Человѣкъ представляетъ собою послѣднюю каплю этого проявляющагося моря, послѣднюю частицу единства, перешедшаго во множество, абсолюта въ идеи; онъ—рубежь свѣта проявленія и мрака небытія, грань существованія неизбѣжно-необходимаго и только возможнаго; и этотъ человѣкъ, какъ совершеннѣйшее проявленіе Величайшаго Духа, и соединеніе всѣхъ его именъ и качествъ, еще при жизни по своей природѣ стремится къ абсолюту и, ставъ на путь размышленія, т. е. мысленнаго движенія, можетъ, переходя отъ формы къ затаенному въ ней смыслу, устранить множество и дойти до единства, до той исходной точки, откуда началось обособленіе абсолюта, можетъ слиться съ нимъ и въ немъ исчезнуть; такимъ образомъ, Истина при самопроявленіи, нисходя, дошла до человѣка,—это нисхождение абсолюта къ идеѣ, единства ко множеству, цѣлаго къ части, моря къ каплѣ; и человѣкъ при самоуничтоженіи, восходя, доходитъ до Истины,—это восхождение идеи къ абсолюту, множества къ единству, части къ цѣлому, капли къ морю.

Такова собственно философская сторона ученія этихъ суфіевъ, обнаженная отъ оболочки положительной религіи; бѣльшая или меньшая примѣсь ея дѣлаетъ это ученіе мистицизмомъ болѣе ортодоксальнымъ относительно мухаммедовой религіи и болѣе еретическимъ относительно его сущности, первоисточника. Изъ всѣхъ странъ Востока, принявшихъ Коранъ, наиболѣе чуткою къ такому ученію оказалась и до нашихъ дней оказывается Персія, о чемъ намъ ясно говоритъ ея литература: цѣлая плеяда писателей и главнымъ образомъ поэтовъ своими высоко-художественными произведеніями не только развили до совершенства и укоренили ученіе это на своей родинѣ, но непосредственно вынесли его далеко за ея предѣлы,—на востокъ черезъ Аму-Дарью въ Бухару и Самаркандъ и на западъ черезъ Тигръ и Евфратъ въ Малую Азію и далѣе черезъ Босфоръ въ Европу—Турцію; при этомъ не безъ вліянія, правда, не столь очевиднаго и прямого, оказались и нѣкоторыя другія сопредѣльныя съ Ираномъ страны.

Европа давно уже знакома съ образцами такихъ аллегоричныхъ мистическихъ пѣснопѣній и мистическій челоуѣкъ, какъ на время оторванная отъ божества, творящаго начала, частица, ноющая и тоскующій отъ разлуки съ нимъ, представляемый влюбленнымъ, страдающимъ по предмету любви и всячески стремящимся къ союзу съ нимъ,—образъ ходячій и хорошо извѣстный; нельзя при этомъ не пожалѣть о томъ, что до самаго послѣдняго времени эти становившіеся достояніемъ европейскихъ литературъ образцы относились сравнительно къ болѣе позднему времени (XIII в.) и что на нихъ именно основывались, правда, немногочисленныя попытки общаго или частнаго изученія персидскаго суфизма, приведенія его въ связь съ философскими воззрѣніями и теософіей другихъ народовъ,—древнѣйшіе литературные памятники, восходящіе къ XI и даже X вв., казалось бы, всего цѣлесообразнѣе даже и при сказанныхъ попыткахъ ставить на первый планъ.

Я не буду говорить о томъ, изъ какихъ составныхъ

частей и какими путями сложился суфизмъ въ Персіи, насколько въ немъ отразились, благодаря исключительному географическому положенію этой страны, встрѣчныя идеи запада и востока, т. е. ученіе мудрецовъ Александрійской школы и неоплатониковъ и индійскій пантеизмъ; я не буду говорить о причинахъ, почему суфизмъ особенно крѣпко привился и развился въ Персіи, насколько этому способствовалъ чуждый свободному арійскому духу силою навязанный Коранъ и отсутствіе подъ вліяніемъ этого Корана широкой общественной жизни; я не буду также говорить о практическомъ значеніи суфизма, о его вліяніи на самого человѣка, на жизнь среды, на образованіе многочисленныхъ сектъ,— всѣ эти навязчивые и сложные вопросы волею-неволею приходится оставлять безъ отвѣта до той поры, когда изученіе суфизма будетъ поставлено на строго-научную историческую почву, когда въ основу сужденія о немъ и его пониманія будутъ положены съ должною оцѣнкою не однѣ поэтическія аллегоріи и стихи, надерганные нерѣдко безъ строгаго разбора изъ авторовъ разныхъ эпохъ, но труды, въ извѣстной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе воззрѣнія суфіевъ, способъ пониманія ими вещей и ихъ собственную аргументацію:—такіе труды на арабскомъ и персидскомъ языкѣ есть и пока напрасно ждутъ цѣнителей, издателей и изслѣдователей.

Я не буду, наконецъ, говорить о важности и интересѣ изученія суфизма: онъ важенъ потому уже, что крѣпко живетъ въ народѣ тысячелѣтіе, сохраняя за это время почти одну и ту же напряженность и яркость красокъ; а интересъ, возбуждаемый суфизмомъ, мнѣ кажется, лучше всего сказывается въ томъ увлеченіи, въ томъ жарѣ, съ какими въ наши дни ученые, поэты и даже художники и Старога свѣта, а въ немъ и Россіи, и Новаго отдаются изученію, переводу, наконецъ, иллюстраціи изумительнѣйшаго сына персидской земли, Омара Хайяма,—я вполне довольствуюсь этимъ единичнымъ примѣромъ, потому что по моему личному и глубокому

убѣжденію Омаръ Хайямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доступенъ большому кругу читателей,—не одно лицо, а нѣсколько, по причинамъ случайнымъ и совершенно понятнымъ при его ближайшемъ изученіи, слитыхъ въ его имени, и цѣлый рядъ блестящихъ и оригинальныхъ мыслей Хайяма съ большимъ успѣхомъ и вѣроятіемъ оспаривается его предшественниками и потомками.

Оставляя въ сторонѣ вышесказанные сложные и запутанные вопросы, при современномъ состояніи нашихъ познаній не подлежащіе должному толкованію и объясненію, я въ лестной для меня бесѣдѣ съ просвѣщеннымъ собраніемъ рѣшилъ остановиться на отдѣльной мысли, которою жили и живутъ персидскіе правовѣрующіе суфій, и ея ходѣ, именно на мысли о человѣкѣ и его назначеніи, а для этого мнѣ удобнѣе всего показалось посмотреть на исторію первозданнаго человѣка, которую наши мудрецы должны были, оставаясь въ рамкахъ мусульманскаго преданія, облечь въ особую форму и неизбѣжно отразить въ ней существеннѣйшія черты ихъ міровоззрѣнія.

Такую яркую и глубоко-поэтическую мистическую исторію человѣка на мусульманскомъ фонѣ, сохраненномъ намъ въ лѣтописи Табари, сложилъ, какъ кажется, впервые Абдаллахъ Ансари (XI в.), родомъ изъ Херата; черезъ полтора ста лѣтъ она въ цѣломъ видѣ, безъ какихъ либо измѣненій, повторена была Абу-Бекромъ Рази въ его трудѣ «Путь рабовъ отъ мѣста отправления къ мѣсту возвращенія»—*Мирсадъ аль-ибадъ минъ аль-мебда иля ль-меадъ*, а въ деталяхъ встрѣчается и въ «Месневи» извѣстнаго Джелал-эддина Руми.

Предлагая эту исторію Вашему, Мм. Гг., благосклонному вниманію, я заранѣе прошу позволенія при изложеніи ея и объясненіи пользоваться средствами ея автора, т. е., говоря о мистическихъ мысляхъ, прибѣгать иногда къ поэтическому, образному мистическому языку.

Когда послѣ шести сутокъ творенія дѣло дошло до созданія человѣка, Творецъ сказалъ: «Перстъ человѣка изъ влаги и земли я изготовлю самъ».—«Развѣ не ты

создалъ небо и землю?» съ удивленіемъ сказали ангелы. «Теперь», отвѣчалъ Творецъ, «дѣло исключительное: все я создалъ простымъ указаніемъ—«будь» и бысть, а этого я создамъ «свойствѣмъ» своимъ, своимъ Я, непосредственно, потому что заключу въ него сокровище познанія». Ангелъ Гавріиль по данному ему приказу отправился и хотѣлъ взять горсть земли,—земля сказала: «Что ты дѣлаешь, Гавріиль?» «Влеку тебя», отвѣчалъ Гавріиль, «къ Творцу, дабы онъ создалъ изъ тебя замѣстителя себѣ».

— «Заклинаю тебя», сказала земля, «величіемъ Истины, не носи меня къ Творцу, потому что я не въ силахъ вынести близости къ нему». Услышавъ такое заклинаніе, Гавріиль возвратился къ Творцу и доложилъ о несогласіи земли. Были посылаемы послѣ этого ангелы Михаилъ и Исафилъ, но и къ нимъ земля обращалась съ тѣми же заклинаніями. Тогда Творецъ обратился къ ангелу Азраилу и сказалъ: «Ступай ты, и если земля не пойдетъ добровольно, принеси ее насильно». Азраиль отправился и силою доставилъ съ поверхности всего земнаго шара горсть земли,—навстрѣчу ей уже летѣла любовь, которая слилась съ землею.

Ансари говоритъ:

Персть Адама была еще не просѣяна,
Какъ появилась любовь и слилась съ нею:
Этого вина (любви) я вкусилъ, когда питался молокомъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вино и молоко были смѣшаны вмѣстѣ.

*Хак-и адэмъ ханузъ на бихтэ будъ
Ишкэ амедэ будъ дэръ иль авихтэ будъ
Инъ бадэ чу шир-харэ будэмъ хурдэмъ
Ни, ни мей у ширъ ба хемъ амихтэ будъ.*

Въ этомъ сказалось первое отличие человѣка: его прахъ звали къ Творцу нѣсколько пословъ.

Всѣ ангелы были въ изумленіи и недоумѣніи, что это за тайна, что презрѣнный и ничего нестоющій земной прахъ съ такою надменностью относился къ зову Творца, а послѣдній съ такою настойчивостью и рвеніемъ держался за него, не замѣняя ничѣмъ другимъ.

Творецъ сказалъ имъ: «По истинѣ я знаю то, чего вы не знаете (Коранъ, 2, 28). Откуда вамъ знать, какія дѣла предстоятъ у меня съ этою горстью земли отъ предвѣчности до конца вѣковъ?! Вамъ можно простить: у васъ не было дѣла съ любовью, вы сухіе, келейные подвижники и не можете вѣдать любви. Потерпите нѣсколько дней: я проявлю надъ этою горстью праха мое всемогущество, съ зеркала природы ея сотру ржавчину мрака творенія и вы увидите въ этомъ зеркалѣ различные образы, и первый образъ будетъ тотъ, что вы всѣ ему земно поклонитесь».

Затѣмъ Творецъ изъ облака милости пролилъ на персть Адама дождь любви, замѣсилъ ее и своею всемогущею рукою изъ праха въ прахѣ сдѣлалъ сердце. Херувимы и серафимы въ изумленіи взирали, какъ Творецъ въ теченіе сорока сутокъ, какъ гончарь, работалъ надъ глиною Адама, въ каждую частичку ея влагалъ сердце и ласкалъ его милостивымъ взоромъ, а Творецъ говорилъ имъ: «Вы не смотрите на глину, а смотрите на сердце». По другимъ преданіямъ, Творецъ работалъ надъ прахомъ Адама 40000 лѣтъ, и снаружи и внутри его налагалъ знаки, долженствовавшіе, какъ зеркало, отражать тысячу и одно качество Творца; когда дѣло дошло до сердца, то землю для него онъ взялъ изъ рая, замѣсилъ ее водою вѣчной жизни, и осушилъ солнцемъ взоровъ своихъ.

Когда сердце доведено было до совершенства, оно оказалось перломъ въ казнѣ сокровенности, который Творецъ скрылъ отъ всѣхъ взоровъ и охранялъ своимъ господствомъ, говоря: «Для такого совершенства—жемчужины нѣтъ соотвѣтствующей казны, кромѣ меня самого и тѣла Адама, такъ какъ оно—перлъ любви въ раковинѣ познанія, сердце, взлелѣянное солнцемъ творческаго взора, въ тѣлѣ, которое въ теченіе столькихъ тысячъ лѣтъ согрѣвалось лучами свѣта творческихъ свойствъ.

При сокровенномъ проявленіи всѣхъ такихъ нѣжностей и качествъ своихъ на тѣлѣ и сердцѣ Адама,

Творецъ никого изъ приближенныхъ ангеловъ не сдѣлалъ повѣренными и въ тайну посвященными: они не знали Адама и, проходя мимо, каждый говорилъ: «Что это за удивительная фигура, которую лѣпятъ?» Адамъ же про себя говорилъ: «Если вы меня не знаете, то я васъ знаю; дайте мнѣ проснуться отъ этого сладкаго сна и я назову ваши имена: одно изъ сокрытыхъ въ природѣ моей богатствъ — есть знаніе всѣхъ именъ». Сколько ангелы Адама ни разглядывали, они его не поняли; наконецъ мрачный дьяволъ обошелъ вокругъ него, увидѣлъ, что ротъ Адама раскрытъ, и сказалъ: «Постойте, я нашелъ здѣсь разгадку! Я войду въ это отверстіе и посмотрю, въ чемъ дѣло». Войдя и обшаривъ природу Адама, онъ нашелъ въ немъ «малый міръ», онъ замѣтилъ въ немъ проявленіе всего того, что онъ видѣлъ въ «мірѣ большомъ». Голова была небо о семи сферахъ: какъ въ семи небесахъ было семь планетъ, такъ въ семи сферахъ головы онъ замѣтилъ семь человѣку присущихъ силъ, — размышленія, воображенія, памяти, сомнѣнія и т. д.; какъ на небѣ были ангелы, въ головѣ были мысленныя чувства зрѣнія, слуха, обонянія, осязанія и вкуса. Тѣло было подобно землѣ: какъ на землѣ были деревья, травы, рѣки и горы, такъ на тѣлѣ и въ тѣлѣ волосы, жилы, артеріи и кости; какъ въ большомъ мірѣ было четыре времени года, такъ въ Адамѣ было четыре природы — жаръ, холодъ, влага и сушь, заключенныя въ черной и желтой желчи, флегмѣ и крови; въ большомъ мірѣ было четыре вѣтра — весенній, лѣтній, осенній и зимній, изъ которыхъ весенній оплодотворяетъ дерево и производитъ листья, раститъ зелень, лѣтній выгоняетъ плоды, осенній ихъ дѣлаетъ зрѣлыми и зимній осыпаетъ, такъ въ Адамѣ, маломъ мірѣ, было четыре вѣтра — привлеченіе, раздробленіе, удержаніе и удаленіе: первое влагаетъ пищу въ ротъ и передаетъ второму, чтобы оно сварило, доводитъ до третьяго, чтобы оно извлекло изъ нея все полезное и отдаетъ четвертому для изверженія... И много другихъ соотвѣствій нашелъ дьяволъ въ природѣ и Адамѣ и все ви-

дѣнное -понялъ, не смогъ онъ только найти путь и проникнуть внутрь сердца, которое представилось ему блестящимъ дворцомъ. «Все мною видѣнное», сказалъ онъ про себя, «было дѣло немудреное, трудное дѣло здѣсь! Если мнѣ когда нибудь приключится несчастіе отъ чело-вѣка, то оно можетъ изойти только изъ этого мѣста, и если у Творца есть особое дѣло съ этой формой и имѣетъ онъ въ нее заключить что либо, то должно это быть только въ этомъ мѣстѣ». Въ отчаяніи дьяволъ отступилъ отъ сердца и, выбравшись наружу, сказалъ ангеламъ: «Осмотрѣнная мною фигура внутри пуста; у нея будетъ потребность въ ѣдѣ, она будетъ обладательницею страстей, какъ животныя, и овладѣть ею можно будетъ легко,—но я нашелъ въ ней дворецъ безъ воротъ, въ который не оказалось совсѣмъ дороги, и я не знаю, что это такое». Неудовлетворенные такими объясненіями дьявола ангелы отправились къ Творцу и сказали: «Господи! трудности ты разрѣшаешь и знаніе ты даешь! Уже много времени ты трудишься надъ этою горстью земли, ты создалъ изъ нея цѣлый другой міръ и сокрылъ въ ней много сокровищъ, а намъ ничего не сказалъ, и изъ насъ повѣреннымъ никого не сдѣлалъ; скажи-же, что изъ этой горсти будетъ!»—«Я творю», былъ имъ отвѣтъ, «замѣстителя себѣ на землѣ, но еще не окончилъ его: то, что вы теперь видите,—помѣщеніе для него, дворецъ и тронъ. Когда я его окончу, вознесу на тронъ,—всѣ вы земно поклонитесь ему!» Ангелы сказали: «Загадка, насъ мучившая, не разрѣшилась: Творецъ приказываетъ намъ поклониться его созданію, называетъ его своимъ • замѣстителемъ; мы никакъ не знали, чтобы кто либо кромѣ его заслуживалъ поклоненія, признавали его единымъ, не имѣющимъ равнаго и подобнаго, и не думали, чтобы кто нибудь былъ достоинъ замѣстить его. Пойдемъ и еще хорошенько посмотримъ на загадочную храмину!» Осмотрѣвъ ее, они сказали: «Всетаки мы здѣсь ничего не находимъ, кромѣ воды и праха, — не замѣтно ни красоты замѣстительства и не видно ни-

какихъ правъ на земной поклонъ». Въ это время до нихъ донесся гласъ:

«Предметъ любви нельзя видѣть глазами другихъ:

Мою «душу» (красавицу) можно видѣть моимъ глазомъ».

Машукэ бе чешм-и дигеранъ нэтуванъ дидэ

Джанан-и мера бе чешм-и менъ багдэ дидэ.

Ангелы продолжали: «Съ виду у этого созданія ничего не найти особеннаго,—можетъ быть, права его основаны на его свойствахъ: посмотримъ ни нихъ!»

Ангелы нашли Адама составленнымъ изъ четырехъ элементовъ,—земли, вѣтра, воды и огня; посмотрѣвъ на качества ихъ, они нашли, что земля — покой, вѣтеръ—движеніе и первая противоположна второму; вода и огонь были также противоположны: первая стремится внизъ, а второй вверхъ; разслѣдуя далѣе, нашли, что земля по природѣ суха (тверда), вѣтеръ мягокъ, вода холодна и огонь горячъ, что природы этихъ составныхъ частей взаимно противоположны, и порѣшили, что изъ того, въ чемъ соединены только противоположности, можетъ произойти только одна порча. Возвратившись къ Творцу, ангелы сказали: «Замѣстительство ты поручаешь тому, отъ кого народится порча и кровопролитіе». Такимъ образомъ, ангелы сосудъ любви, по замыслу Творца, подвергли укоризнѣ, и это была первая укоризна, раздавшаяся въ мірѣ.

Таковы были отличія человѣка при созданіи его внѣшней оболочки: твореніе его одного было распредѣлено на сорокъ сутокъ, а всѣхъ міровъ на шесть; непосредственность творенія и заключеніе въ человѣка неразгаданной ангелами тайны, — все указывало на исключительность назначенія человѣка. Но матерія, тѣло человѣка, была ничто въ сравненіи съ безпредѣльностью недостававашаго ей духа, къ ихъ слитію и приступилъ теперь Творецъ, и такъ-же, какъ и ранѣе, непосредственно: онъ вдунулъ въ неё духъ собственнымъ дуновеніемъ и въ этомъ дуновеніи—*нафхе* заключается смыслъ глубокой и значеніе великое. Духъ

изъ наивысшихъ духовныхъ міровъ ниспосылался на наинижайшія ступени міра тѣлеснаго: онъ могъ на этомъ необъятномъ пространствѣ сдружиться и спознаться съ чѣмъ либо постороннимъ, позабыть Творца и лишиться той пріязни, которою онъ отъ него пользовался, — творческое дуновение имѣло помѣшать ему привязаться къ кому либо и чему либо и удержать въ немъ сладость общенія съ Творцомъ. Далѣе, духъ, какъ сказано, долженъ былъ спуститься черезъ безчисленное множество духовныхъ и тѣлесныхъ міровъ, въ каждомъ изъ нихъ были скрыты никому невѣдомыя сокровища: дуновение Творца должно было быть здѣсь проводникомъ и толкователемъ значенія всѣхъ сокровищъ, всѣхъ благъ и золъ этого пути для того, чтобы духу былъ облегченъ обратный подъемъ къ Творцу. Наконецъ, дуновение это сопровождало духу человѣка для того, чтобы онъ, ниспосылаемый для власти и господства въ мірѣ, предсталъ предъ нимъ со слѣдами особаго отличія и почета отъ Творца, тѣмъ болѣе, что ангельскимъ чинамъ уже предсказано было земное поклоненіе ему. И дѣйствительно, когда духъ, въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ лелѣемый въ драгоцѣннѣйшемъ тайникѣ божественности и озираемый въ мѣстѣ непосредственности взоромъ Творца, вмѣстѣ съ его собственнымъ дуновеніемъ черезъ міріады міровъ, съ ихъ сокровищами, достигъ царства человѣка и слился съ его формою, — всѣ міры поклонились ему въ землю, кромѣ дьявола, который за гордость и высокомѣрное отношеніе къ величайшему творенію и самовольное проникновеніе въ этотъ храмъ любви былъ постигнутъ гнѣвнымъ наказаніемъ Творца и поклѣна совершить не могъ.

Духъ, войдя въ тѣло, нашелъ его мрачной и тѣсной темницей, возведенной на четырехъ взаимно противоположныхъ устояхъ, которой не предстояло продолжительнаго существованія; ее окружали толпы и сонмища гадовъ, звѣрей и дикихъ животныхъ; наносимые ими удары и укусы вызвали въ духѣ болѣзненные ощуще-

нія; внутри темницы закопошились страсти, и вотъ чистый духъ, въ теченіе столькихъ тысячелѣтій воспитанный въ близости къ Творцу безконечною ласкою и нѣжностью, отъ такихъ невѣдомыхъ дикихъ проявленій почувствовалъ одиночество; цѣну пріязни божественной, которой онъ не зналъ до сего часа, позналъ и блаженство союза, въ который онъ всегда былъ погруженъ, но не ощущалъ и существа котораго не понималъ, теперь ощутилъ и понялъ,—въ немъ воспылалъ огонь разлуки и въ голову вступила боль разъединенности. Онъ попытался возвратиться, но того дуновения, которое принесло его, не было,—снъ сталъ разбить сердцемъ и услышалъ голосъ: «Мы ищемъ отъ тебя такого состоянія!» Адамъ испустилъ глубокий вздохъ; раздался голосъ: «Для такихъ вздоховъ мы и послали тебя!» Адамъ встрепенулся, въ немъ проявилось движеніе,—онъ раскрылъ глаза и увидѣлъ обширный міръ и узрѣлъ блестящее солнце, и воскликнулъ: «Хвала Творцу!» и услышалъ въ отвѣтъ: «Смилостивится надъ тобою Творецъ твой!» Эти слова напомнили ему міръ духовъ и ихъ блаженства и онъ напрасно пытался порвать на себѣ тѣлесныя оковы. Адама ничто въ мірѣ не занимало, огонь страсти его къ красотѣ Творца не потухалъ, непривычность его положенія не уменьшалась и ни съ чѣмъ онъ не дружилъ. И услышалъ онъ голосъ Творца: «Адамъ, иди въ рай, ѣшь, спи и дружи, съ чѣмъ пожелаешь». Рай однако не успокоилъ Адама и тогда Творецъ изъ души его создалъ ему Еву, чтобы онъ общался съ однороднымъ существомъ. Посмотрѣвъ на красоту Евы, онъ увидѣлъ въ ней лучъ красоты самого Творца и вкусилъ этой человѣческой красоты, и имъ овладѣла страсть, низайшее качество животнаго, воздвигающее величайшую преграду между человѣкомъ и Творцомъ; эта страсть увеличилась другими животными качествами, чрезмѣрною ѣдою, сномъ, и по мѣрѣ того какъ страсти Адама разгорались, его общеніе съ Творцомъ уменьшалось, онъ предавался имъ наконецъ до того, что позволилъ дьяволу обольстить

себя. Творецъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Адамъ! мы создали тебя не для страстей и не для животныхъ наслажденій. Мы оставили тебя полдня въ раю и ты насъ такъ забылъ, отдался другому! Если мы оставимъ тебя на цѣлый день, ты окончательно насъ забудешь и тѣсное единеніе съ нами замѣнишь полнымъ отчужденіемъ! Иди изъ рая, а ты, Ева, отдѣлись отъ него; ты, вѣнецъ отличія, снимись съ главы его, и ты, облаченіе почета, ниспади съ тѣла его!» Проведя нѣсколько дней въ угнетенномъ состояніи, не находя утѣшителя, Адамъ возвратился къ своему первоначальному страданію и возлюбилъ Творца, наученный этой любви въ предвѣчности. «Господи!» сказалъ онъ, «мнѣ нужно было это угнетеніе, дабы я позналъ цѣну твоей милости и суть твоего владычества, и я познаю: все тлѣнно, Ты вѣченъ; всѣ немощны, Ты всемогущъ; всѣ несчастны, Ты утѣшитель.» Раздался голосъ:

«Возвратись и стань болѣе того, чѣмъ ты былъ,
И если до сихъ поръ ты не былъ, то стань теперь».

*Базъ ай ке занче буди эфзунъ баши
Веръ та бе кунунъ нэбуди экнунъ баши.*

Что означаютъ всѣ эти разнообразныя дѣйствія? Мы воспитывали Адама въ замѣстительствѣ и любовь его испытаніями доводили до совершенства!»

Въ самыхъ первыхъ словахъ этой исторіи совершенно ясно установлено, что цѣль созданія чловѣка, слитія духа съ тѣломъ, есть познаніе; въ познаніи заключается вообще тайна творенія. По преданію, пророкъ Давидъ спросилъ у Творца: «Зачѣмъ сотворилъ ты твари?» Истина внушила ему: «Я была сокровищемъ скрытымъ и захотѣла, чтобы познали меня,—поэтому я сотворила твари для того, чтобы стать познаною» — *Кунту канзанъ махфійянъ фа ахбабту анъ урафа фа халякту лъ-халъка ликей урафа.*

Что-же это за познаніе—*марифатъ*? Есть познаніе умственное или доказательное—*марифат-и акли* или *истидляли*, которое присуще всѣмъ людямъ, взаимно

равнымъ по уму: всѣ соглашаются относительно бытія творческаго начала и существующее разногласіе касается его качествъ, а не сущности. При познаніи умомъ нужно постиженіе чувствами внѣшними и силами внутренними: при постиженіи первыми міра вещественнаго и упражненіи ума силами внутренними, умъ приходитъ къ рѣшенію, что твореніе имѣетъ Творца; взирая постепенно на каждый видъ творенія, онъ различаетъ частичность, всемогущество и красоту творчества и выводитъ заключеніе, что такое дивное дѣло должно исходить отъ всемогущаго, всезнающаго, всевидящаго, вѣчнаго зиждителя. Чѣмъ яснѣе умъ, чѣмъ правильнѣе взглядъ, чѣмъ болѣе размышленія, тѣмъ болѣе заключеній отъ разновидностей твореній къ утвержденію Творца, тѣмъ яснѣе доказательства его единства. Но не для этого рода познанія посланъ духъ въ тѣло человѣка: этотъ родъ требуетъ доказательствъ и доводовъ, а въ нихъ существуетъ большое разнообразіе—вѣдь и идолопоклонники защищаютъ вѣру свою доводами,—принятіе одного передъ другимъ основано на предпочтеніи, и еслибы даже эти доводы были всѣ истинны, они въ результатѣ дали-бы утвержденіе Творца по доводамъ,—положеніе-же духа въ познаніи Истины, до слитія его съ тѣломъ, было иное: онъ, состоя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ самой Истиной и постигалъ ее непосредственно, безъ всякихъ доказательствъ; по слитіи-же непосредственность эта оказалась какъ-бы исчезнувшей.

Когда духъ изъ міра сокровенности и близости къ Истинѣ дѣлалъ привязаннымъ къ міру формы, ему дали пройти черезъ всѣ духовные и вещественные міры, придавъ ему отъ cadaго міра то, что составляло его лучшую часть, но въ то-же самое время взоръ его обратили на благо и зло cadaго міра, такъ какъ онъ ниспосылался въ жизнь для привлеченія къ себѣ полезнаго и отклоненія всего вреднаго; такъ что въ тотъ моментъ, когда духъ слился съ тѣломъ, послѣ странствованія по многообразнымъ мірамъ, его, такъ ска-

зять, окутывали тысячи свѣтлыхъ и темныхъ духовныхъ пелень: каждое взираніе его на каждую вещь каждаго міра, хотя и должно было быть причиною его совершенства, въ данный моментъ стало для него завѣсою, чрезъ совокупность которыхъ онъ лишился возможности созерцать красоту Творца—Единства и ощущать блаженство непосредственной близости къ нему. Когда онъ спустился въ наинижайшіе слои матеріи и сталъ въ дѣйствіяхъ пользоваться орудіями и средствами тѣлесной формы, каждый моментъ все болѣе отдѣлялъ его отъ міра сокровенности и окутывалъ новою пеленою,—такъ что духъ даже окончательно могъ отрѣшиться отъ него: одинъ человѣкъ не вѣритъ совсѣмъ, что онъ когда-то виталъ въ иномъ мірѣ, въ другомъ остается слѣдъ ранняго общенія съ Творцомъ, третій помнить всѣ стадіи прохожденія черезъ духовные и матеріальные міры...

Несмотря однако на то, что переходъ духа въ тѣло воздвигалъ какъ-бы нѣкоторую преграду между нимъ и Истиною, онъ былъ необходимъ: въ мірѣ духовномъ онъ, наслаждаясь близостью Истины, имѣлъ соотвѣтствующее только тому міру познаніе и сообразную долю откровеній и созерцаній, но совершенство этихъ состояній и полноту этихъ блаженствъ долженъ былъ получить отъ слитія съ тѣломъ, такъ какъ оно давало ему сердце, душу, силы и чувства, въ которыхъ онъ нуждался для познанія: состоя въ мірѣ сокровенности, онъ обладалъ только духовнымъ свѣтомъ, которымъ постигалъ только цѣлость того міра, и былъ лишенъ постиженія цѣлости и частичности обоихъ міровъ; развитіе и совершенство духъ пріобрѣталъ въ этомъ мірѣ, гдѣ все было для его питанія, и достигалъ истиннаго познанія, т. е. познанія сущности и всѣхъ качествъ Творца. «О человѣкъ! все я создалъ для тебя, а тебя создалъ для себя».—*Я бну Адама халякту ль-аизгя кулляха ли аджлика ва халяктука ли аджли.*

Познаніе доказательное не можетъ быть истиннымъ назначеніемъ человѣка потому, что оно не есть самъ

Свѣтъ, а отраженіе его. Въ толкованіи этого мистики-суфіи основываются на 35-мъ стихѣ 24-й суры Корана, который гласитъ: «Богъ (Истина) есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ этотъ есть какъ-бы ниша, въ которой находится свѣтильникъ; свѣтильникъ помѣщенъ въ хрусталѣ; хрусталъ похожъ на блестящую звѣзду; свѣтильникъ зажигается (питаясь) благословеннымъ оливковымъ деревомъ, которое—ни съ востока, ни съ запада, и елей котораго свѣтитъ, хотя-бы огонь и не касался его. Это свѣтъ на свѣтѣ»... Духъ благодаря своей природной нѣжности не можетъ собственно воспріять полного проявленія божественныхъ свойствъ, и необыкновенная мудрость въ созданіи Адама сказалась въ томъ, что для него—сокровищницы сокровеннаго—сдѣлали сердце плотное, но какъ хрусталъ прозрачное, необычайной чистоты, вложили его въ нишу, — плотное тѣло, и въ этомъ хрусталѣ устроили свѣтильникъ—тайну и вложили въ него фитиль—проявленіе (этой тайны) и налили въ него елей благословенной оливы—духъ (съ божественнымъ дуновеніемъ), котораго не найти ни на востокѣ, въ мірѣ духовъ, ни на западѣ, въ мірѣ вещественномъ; этотъ елей былъ крайней прозрачности и свѣта, хотя огонь и не касался его; отъ этого елея озарился весь хрусталъ сердца, какъ-бы былъ онъ блестящею звѣздою; отраженіе блеска отъ хрусталя разлилось по атмосферѣ внутренностей—нишѣ, и освѣтило ихъ: блескъ хрусталя — умъ; атмосфера, воспріявшая его отраженіе—это внутреннія силы и задатки человѣка, а лучи, прорвавшіеся изъ нишы-тѣла наружу—пять человѣческихъ чувствъ. Для полного проявленія божественнаго свѣта, который «былъ сокровищемъ скрытымъ», былъ необходимъ именно такой свѣтильникъ. Свѣтильникъ такой данъ каждому, но не у всѣхъ онъ свѣтитъ божественнымъ огнемъ; люди, основывающіеся въ познаніи Истины на умѣ, полагаютъ, что ихъ свѣтильникъ озаренъ истиннымъ свѣтомъ, не подозревая, что свѣтъ, который они въ себѣ находятъ, есть только отраженіе свѣта духовнаго елея, и огня

божественнаго свѣта въ свѣтильникѣ ихъ нѣтъ,—онъ не горитъ.

И по смыслу этого толкованія для познанія нуженъ непосредственно самъ Свѣтъ, сама Истина. Какіе же къ ней пути? Какъ удалить возникшую между нею и духомъ преграду? Какъ удалить окутывающія духъ пелены?

Махмудъ Шебестери (XIV в.), авторъ «Цвѣтника тайнъ», сравнилъ Истину съ миндальнымъ зерномъ, которое, покрытое тонкою кожицею, заключено въ скорлупу:

*Шаріатъ пустъ маизъ амедъ хахыкатъ
Меяни инъ у анъ башедъ тарикатъ.*

Какъ для полной зрѣлости миндальнаго зерна нужна и тонкая кожица и скорлупа, такъ для проявленія Истины нужны *шаріатъ* и *тарикатъ*, «законъ» и «путь», правила, которымъ должна подчиняться совокупность тѣлесныхъ и духовныхъ проявленій въ человѣкѣ, согласно двойственности природы его;—«законъ» воспитываетъ тѣло и душу, «путь» очищаетъ сердце и озаряетъ духъ; какъ для полученія чистаго миндальнаго зерна нужно сначала разбить скорлупу и потомъ снять кожицу, такъ для достиженія Истины сперва необходимо подчиниться «закону» и тогда уже стать на «путь».

«Законъ», слагающійся изъ молитвы, поста и пр., прежде всего дѣйствуетъ на пять человѣческихъ чувствъ, потому что, при исключительномъ подчиненіи имъ, человѣкъ нисходитъ на степень животнаго, преданнаго и привязаннаго только къ этому міру; онъ становится даже хуже его, потому что животному, одаренному только чувствами, не дано вѣдать другаго міра и оно такимъ образомъ не можетъ ощущать лишенія его, человеку же, надѣленному и духовными силами, дано такое сознаніе и оно можетъ вызывать въ немъ мученіе. Но полнѣйшій отказъ отъ животныхъ потребностей и влеченій, основанныхъ на чувствахъ, обязательно вызо-

ветъ полное прекращеніе жизни и необходимаго, полезнаго для человѣка развитія его организма. «Законъ» и данъ человѣку для того, чтобы онъ въ наслажденіяхъ и влеченіяхъ не отдавался исключительно своей животной природѣ; при этомъ каждое изъ правилъ этого «закона» говоритъ и напоминаетъ человѣку такъ или иначе о его первоначальномъ мѣстѣ пребыванія, приходя его изъ инаго міра и направляетъ его къ этому міру,—молитва напр. отвлекаетъ его отъ чувственныхъ влеченій, бесѣда съ людьми, и направляетъ къ наслажденію бесѣды съ Творцомъ; постъ напоминаетъ ему объ его ангелоподобномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, когда не нужна была никакая пища, и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣломъ въ «законѣ» должна воспитываться душа—*нафсэ*. Душа, или, какъ ее называютъ иначе, духъ животный—*рух-и хайвани*, источникъ отрицательныхъ качествъ и низшихъ чувствованій, произошла отъ слитія духа съ тѣломъ и наполняетъ собою всѣ атомы и части тѣла, какъ масло наполняетъ орѣхъ, но сосредоточивается въ сердцѣ, какъ сказано: «Самый враждебный врагъ твой—душа твоя, что лежитъ между двухъ боковъ твоихъ»—*А'да адуввика нафсука аллети бейна джанбейка*; въ тоже самое время въ сердцѣ коренится и духъ съ его наивысшими духовными качествами. Этотъ животный духъ человѣка отличается отъ такового другихъ животныхъ только тѣмъ, что онъ вѣченъ и послѣ разлуки съ тѣлесной оболочкой остается пребывающимъ, а у животныхъ, какъ состоящій изъ 4-хъ элементовъ, подверженъ тлѣнію и обращается въ ничто. Этому животному духу присущи два существенныхъ качества, изъ которыхъ развиваются всѣ низшія чувствованія—влеченіе — *хава* и возбужденіе — *газабэ*; оба эти качества необходимо должны быть у души, чтобы первымъ она привлекала все для себя полезное, а вторымъ отдаляла все для себя вредное и тѣмъ могла бы питаться и въ этомъ мірѣ существовать.

Воспитаніе души состоитъ въ томъ, чтобы эти два качества, при извѣстномъ направленіи, удерживать въ из-

вѣстномъ равновѣсіи и соразмѣрности, дабы одно не превозмогало надъ другимъ, потому что, если, напримѣръ, равновѣсіе нарушаетъ влеченіе, то порождается алчность, страсть, жадность, надежда, подлость и т. д.; а если нарушаетъ равновѣсіе возбужденіе, то проявляется необузданность, вражда, высокомѣріе, полновластность и пр.; когда оба качества лишаются соразмѣрности сразу и овладѣваютъ душою, она склоняется къ порчѣ и становится источникомъ всякихъ золъ. Съ другой стороны безмѣрное ослабленіе этихъ существенныхъ качествъ отражается разстройствомъ и порожденіемъ иныхъ отрицательныхъ качествъ, каковы слабость, трусость, отсутствіе рвенія и пр. Сказанныя качества души, ихъ постоянное равновѣсіе и соразмѣрность должны быть всецѣло подчинены требованіямъ «закона» и страха, и въ ихъ рукахъ быть покорнымъ орудіемъ, тогда душа дастъ качества положительныя, каковы стыдъ, кротость, щедрость, покорность, терпѣніе, благодарность и т. д., лишится злаго полновластія, смирится, покорствуя чистому духу, и воспособитъ ему и вознесетъ его черезъ стоянки нижняго міра на наивышшія ступени духовныхъ сферъ, какъ сказалъ Ансари:

«Когда животныя задатки отдѣлятся отъ души твоей,
Птица духа твоего возвратится въ (свое) гнѣздо:
Стервятникъ души твоей устремится тогда въ высь,
Сядетъ на руку Государя и станетъ соколомъ».

*Хо-и сэбуи зи нафсэтъ эрѣ базъ шеведъ
Мури-и рухэтъ бе ашгянъ базъ шеведъ
Песъ каркас-и нафсѣ ру суви ульвѣ нэхедъ
Берѣ дэт-и меликъ нишинэдъ у базъ шеведъ.*

Влеченіе къ высшему, неживотному превратится въ чистую любовь и страсть, а возбужденіе въ ревность и высокій помысль, и душа въ любви устремится къ Творцу (*лоу ля лъ-хава ма саляка ахадунъ тариканъ иля л-лахи*—«еслибы не страсть, никто не шелъ-бы по пути (стремленія) къ Богу») и въ ревности ни на что, кромѣ его, не обратитъ вниманія; и эти два счастливо направленные и развитыя качества сдѣлаются

для духа могучимъ орудіемъ для соединенія съ Творцомъ: духъ въ бытность въ мірѣ духовъ этихъ орудій не имѣлъ,—онъ, какъ ангелы, безъ влеченія и возбужденія довольствовался своимъ состояніемъ и безстрастно, безотчетно и безучастно созерцалъ свѣтъ свѣтильника Истины.

Такова природа души и таково ея назначеніе, и ясно, почему суфійи при этомъ говорятъ. «кто позналъ душу свою, тотъ позналъ своего Господа»—*менъ арафа набсаху факадъ арафа раббаху*.

Когда человѣкъ, стремящійся къ Истинѣ, или, какъ говорятъ суфійи, «шествующій» къ ней—*саликъ*, смиритъ въ «законѣ» тѣло и укротитъ душу, онъ становится на «путь» очищенія сердца.

Сердце въ тѣлѣ человѣка, «маломъ мірѣ», то-же, что эмпирей въ «мірѣ большемъ»,—раздѣлъ матеріальности и отвлеченности; въ немъ сосредоточено качество духовности и оно есть мѣсто приема и раздѣла изліянія духа; оно со всѣми членами соединено тонкими жилками, по которымъ ко всѣмъ членамъ растекается изліяніе духа,—при прекращеніи этого изліянія въ сердце, прекращается жизнедѣятельность всего организма. И пріемъ такого изліянія сердце сознаетъ, потому что духъ изливается въ него качествомъ, а это качество даетъ сердцу жизнь, умъ, знаніе.

Сердцу присуща способность и готовность воспринимать очищеніе и подчиняться воспитанію, благодаря которымъ оно доходитъ до степени совершенства, и, бывъ только средоточіемъ качества духовности, можетъ стать мѣстомъ проявленія всѣхъ качествъ и самой сущности Истины, Божества.

Чистота сердца состоитъ въ цѣлости и исправности его пяти отвлеченныхъ чувствъ, которыми оно постигаетъ міръ сокровенности (мысленнымъ осязаніемъ для него служить умъ, которымъ оно извлекаетъ пользу изъ всего умомъ постигаемаго) и въ томъ, чтобы совокупность всѣхъ разнообразныхъ состояній, въ которыхъ сердце можетъ оказаться, какъ средоточіе высшихъ чувствованій,

строого и точно соотвѣтствовала заключенному въ нихъ смыслу,—а сердце является источникомъ глубокой вѣры, свѣта ума, созерцанія, любви къ Творцу, при которой не совмѣщается никакая другая земная любовь, мудрости и т. д. Воспитаніе сердца состоитъ въ направленіи его извѣстными средствами къ Истинѣ-Божеству; это значитъ, что человѣкъ долженъ отказаться отъ міра, оторваться отъ людей и всего сотвореннаго, естественныхъ, природныхъ привычекъ и земныхъ наслажденій и, добившись «наружнаго отдѣленія»—*таджридъ*, обратиться всѣмъ существомъ къ Творцу, и отъ Истины ничего не просить кромѣ Истины и достигъ степени—*тафъридъ*, т. е. «внутренняго отдѣленія» отъ всего любимаго ижелаемаго, кромѣ самой Истины: при такомъ состояніи внѣшнія чувства перестаютъ дѣйствовать; мракъ и пелены, окутывавшія подъ дѣйствіемъ этихъ чувствъ сердце, исчезаютъ; сердце, освобожденное отъ всего земнаго, памятующее только объ Истинѣ и только къ ней рвущееся въ страстной, возвышенной любви, и есть сердце, достигшее совершенства и полной чистоты; преграды болѣе не существуетъ и духъ сливается съ Истиной, которая проявляется всецѣло въ человѣкѣ.

«Если», говоритъ Ансари, «ты отдашь все, что у тебя есть, Удалишь (твою) сопричастность къ собственному бытію,— Ты можешь освободиться отъ себя, устремиться И пріютиться въ лучѣ Его свѣта».

*Геръ херчи тура хестъ хеме дѣръ бази
Эзъ хесті-и худъ джуда куні эмбази
Башедъ ки зи худъ базъ рѣхи дѣръ тази
Дѣръ пертѣв-и нур-и у пенахи сази.*

При этомъ ни одно изъ качествъ человѣка, ни одинъ изъ членовъ его не могутъ распоряжаться своею природою, онъ весь во власти Истины, какъ сказано: «Я стала для него ухомъ и глазомъ, и языкомъ и рукою, такъ что мною слышитъ онъ, и мною видитъ онъ, и мною говоритъ онъ, и мною касается онъ» — *Куинту*

*леху сам'анъ ва басаранъ ва лисананъ ва яданъ фа би
ясмау ва би юбсиру ва би янтику ва би ябтишу.*

Въ этомъ полномъ проявленіи Истины различаются три степени. Сначала Истина проявляется «проявленіемъ дѣйствій»—*таджалли-и аф'аль*, когда человѣкъ всѣ дѣйствія видитъ исчезающими въ дѣйствіяхъ Истины и не видитъ ничего дѣйствующаго, кромѣ Истины; за этимъ слѣдуетъ «проявленіе качествъ»—*таджалли-и сифатъ*, когда человѣкъ качества всѣхъ вещей замѣчаетъ пропадающими въ качествахъ Истины, кромѣ Истины не видитъ иного качества, и себя, и все признаетъ обнаруженіемъ качествъ Истины; наконецъ, «проявленіе сущности»—*таджалли-и затъ*, когда человѣкъ всѣ сущности находитъ исчезающими въ единой сущности, не различаетъ иного бытія, кромѣ Истины; такое состояніе есть полное исчезновеніе — *фана* въ Истинѣ, «что ни око не видѣло, ни ухо не слышало и не впадало на сердце человѣка»—*ма ля айнуни раатъ ва ля удзнуни самиатъ ва ля хатара аля калби бешеринъ*.

Такое соединеніе съ Истиной—*таухидъ* не есть соединеніе тѣла съ тѣломъ, или акцидента съ субстанціей, или знанія съ тѣмъ, что узнано, или ума съ тѣмъ, что постигнуто: такому соединенію обязательно предшествуетъ обоюдное влеченіе, — суфій Абу - ль - Хасанъ Хараканскій говорилъ, что путь къ Истинѣ двойной,—одинъ отъ человѣка къ Истинѣ, а другой отъ Истины къ человѣку; или, какъ сказано въ одномъ преданіи: «Кто приблизился ко мнѣ на одну пядень, Я приблизилась къ тому на локоть; и кто приблизился ко мнѣ на локоть, Я приблизилась къ тому на маховую сажень; и кто пришелъ ко мнѣ тихою поступью, Я пришла къ тому шагомъ скорымъ» — *менъ такарраба илейя шибранъ такаррабту илейхи зира'анъ ва менъ такарраба илейя зира'анъ такаррабту илейхи ба'анъ ва менъ атани би маш'инъ атайтуху харвалетанъ*.

Сказанное исчезновеніе въ Истинѣ, слитіе духа

человѣческаго съ Божествомъ, превращеніе, повидимому, разнородной двойственности въ однородное единство, какъ явленіе, не подлежащее осязательному доказательству, поясняется примѣромъ двухъ капель масла. Одна изъ нихъ заключена въ илъ на днѣ морскомъ; не соединяясь съ морскою водою, она мало по малу стремится отдѣлиться отъ ила; отдѣлившись, она съ быстротою, ни на что не взирая, поднимается на поверхность, имѣетъ уже подъ собою всю массу воды и, встрѣтивъ другую каплю, сливается съ нею нераздѣльно; съ другой стороны, столкнувшись съ огненною искрою, она перестаетъ существовать самостоятельно, отдавъ свое бытіе бытію огня; но если море всею его массою противопоставить огню, послѣдній на немъ не займется, и вода въ свою очередь съ огнемъ не смѣшается. Такъ точно душа человѣческая, будучи каплею мірскаго моря, съ нимъ сольется, но духъ, какъ масло, поднимется на его поверхность и отъ искры огня проявленія Истины всѣмъ своимъ существомъ сольется съ нимъ и ему отдастъ свое бытіе и будетъ за истинное существованіе считать небытіе бытія случайнаго.

Не нужно и прибавлять, что это не откровеніе и не видѣніе, равно не созерцаніе и не сознаніе, потому что и то, и другое обязательно требуетъ двойственности, а здѣсь полнѣйшее единство;—вышеописанное состояніе устраняетъ всякое представленіе о дѣлимости: познаніе, познающій и познаваемое, созерцаніе, созерцающій и созерцаемое, любовь, любящій и любимое становятся неразрывнымъ цѣлымъ.

Ансари сказалъ:

Пришла любовь и, какъ кровь, разлилась у меня по кожѣ и жиламъ,
 Меня она сдѣлала пустымъ (отъ меня) и наполнила Другомъ:
 Всѣ частицы существа моего охватилъ Другъ,
 У меня отъ меня только имя, а все остальное—Онъ.

*Ишкѣ амедъ у шудъ чу хунэмъ эндэръ рэгъ у пустъ
 Та кердъ мера тэхъи у нуръ кердъ зи дустъ
 Эджза-и вуджудэмъ хеме дустъ җерифтъ
 Намистъ зи менъ беръ менъ у бакы хеме устъ.*

Начальный моментъ этого безмятежнаго блаженства, этого полнаго покоя—*сукунатъ* уловить и опредѣлить трудно, потому что Истина, какъ выразился Ансари, «нисходитъ въ чуткое, бдящее сердце непримѣтно»—*таджалли-и хаккъ нагахъ аедъ амма беръ дил-и агахъ аедъ*; и этого то покоя каждый «шествующій» къ Истинѣ, свободный отъ всякой мысли о какой либо наградѣ и воздаяніи, домогается неуклонно, потому что за этимъ покоемъ его удѣломъ становится познаніе—*марифат-и шухуди*: все неясное для него исчезаетъ, и мудреная загадка «Міръ и твореніе» разрѣшается. «Я не смотрю», говоритъ познавшій—*арифъ*, «ни на одну вещь безъ того, чтобы не видѣть въ ней Бога»—*ма назарту фи шейинъ илля ва райту л-лаха фихи*; озаренный онъ учитъ, что искони была, есть и будетъ только одна Сущность, проявившаяся въ видахъ множествъ своими качествами, именно въ силу множества ихъ; что прекращеніе такого проявленія не влечетъ за собою исчезновеніе самой Сущности; онъ убѣжденъ, что безчисленные міры сокровенности и очевидности, вся совокупность различаемыхъ имъ множествъ и разнообразій пребываетъ въ единомъ Бытіи, какъ причудливой формы и разной величины волны, дробящіяся и разлетающіяся въ брызги на лонѣ водъ океана; что безграничное множество и единство, цѣлое и часть, абсолютное («развязанное») и спеціальное («связанное») — только различныя выраженія одной и той же Истины.

Не безынтересно посмотрѣть, какъ эта основа суфійскаго ученія выражена тремя яркими представителями его въ XI и XII вв. въ поэзіи.

Абу Саидъ бенъ Аби-ль-Хейръ, родомъ изъ Мехнэ, мѣстечка нашихъ теперешнихъ закаспійскихъ владѣній, говорить:

«Я сказалъ (красавицѣ): «Для кого ты являешься въ такой красѣ?»

Она сказала: «Для самой себя, потому что я сама—Единство.
Я и любовь, и любящій, и любимая,
Я и зеркало, и красота, и зритель».

*Гуфтэмъ кира ту бединъ зибан
 Гуфта худра ки менъ худэмъ ектаи
 Хемъ шикэмъ у хемъ ашикъ у хемъ машукэмъ
 Хемъ аинъ у хемъ джемаль у хемъ бинаи.*

Онъ же:

«Въ то время, какъ не было ни этихъ звѣздъ, ни небесъ,
 Ни этой воды, ни воздуха, ни огня, ни земли,
 Я провозгласилъ тайны Единства,—
 Когда не было ни этого тѣла, ни этого голоса, ни чувства».

*Анъ вактъ ки инъ энджумъ у эфлякъ нэбудъ
 Винъ абъ у хава у атэшъ у хакъ нэбудъ
 Эсраф-и еганъи сабакъ миуфтэмъ
 Винъ калибъ у инъ нэва у идракъ нэбудъ.*

Онъ же:

«Я никогда не былъ отдѣленъ отъ тебя,—
 Вотъ доказательство этой счастливой звѣзды моей:
 Въ сущности твоей я не замѣтенъ, когда не существую,
 Въ свѣтѣ моемъ проявляюсь, когда живу».

*Менъ эзъ ту джуда нэбудээмъ та будэмъ
 Инэстъ далил-и тали-и мас'удэмъ
 Дэръ зат-и ту напедидэмъ эръ ма'думемъ
 Везъ нур-и ту захирэмъ эеръ мауджудэмъ.*

Абдаллахъ Ансари говоритъ:

«Не думай, что мы произошли отъ Адама,
 Потому что въ тотъ моментъ, когда Адама не было, мы были:
 Безъ тягости любви, сердца и персти
 Предметъ любви, мы и любовь дышали однимъ дыханіемъ».

*Та занъ нэбери ки ма зи адэмъ будимъ
 Канъ дэмъ ки нэбудъ адэмъ анъ дэмъ будимъ
 Би захмет-и айнъ у шинъ у кафъ у диль у тиль
 Машукъ у ма у шикъ хемдэмъ будимъ.*

Омаръ Хайямъ говоритъ:

То вино, которое по сущности способно принимать различныя
 формы,
 Которое то становится животнымъ, то растеніемъ,
 Не думай, что оно (поэтому) обращается въ ничто, нѣтъ!
 Оно имѣетъ сущность, хотя бы качества его (внѣшнія проявленія)
 и исчезали».

*Анъ бадъ ки кабил-и суверхастъ бе затъ
Гахи хайванъ мишеведъ гахи набатъ
Та занъ нэбери ки нистъ гердэдъ хейхатъ
Маусуфъ бе затэстъ эгеръ нистъ сифатъ.*

Онъ же:

«Ты спрашивалъ меня, чтò это за призрачныя фигуры.
Если мнѣ говорить о нихъ всю истину, будетъ долго.
Фигуры эти вышли изъ одного моря,
И на дно того же моря опять уйдутъ».

*Митурсиди ки чистъ анъ нахи-и меджазъ
Геръ беръ цемъ хахыкатэшъ хестъ диразъ
Накиристъ педидъ амедъ эзъ дэргяи
Ванахъ шудъ бе ка'ри анъ дэргя базъ.*

Онъ же:

«То скрытъ ты, никому не открываешь лица,
То обнаруживаешься въ формахъ бытія и мѣста.
Это проявленіе въ блескѣ ты показываешь самому себѣ,
Ты самъ—сущность твоего лицеизрѣнія и самъ ты—зритель».

*Гяхъ гештэ ниханъ ру бе кеси нэнумаи,
Гяхъ дэргъ сувери коунъ у меканъ пейдаи
Инъ джилъвегери бе хыштэнъ бенумаи
Худъ айн-и аян-и худи у бинаи.*

Взглядъ, по смыслу этого ученія, на человѣка, какъ на частицу всепроизведшей собою Истины, особенно рѣзкимъ кажется въ устахъ правовѣрующихъ суфіевъ, когда они прибѣгаютъ къ выразительнымъ словамъ Корана и мусульманскаго символа. Такъ Мансуръ Халляджъ воскликнулъ: «Я есмь Истина!» и непонятый запла- тился за такую смѣлость жизнью; почти то-же самое сказалъ и Ансари:

«Если ты желаешь услышать слово отъ бдящаго сердца,
И глубочайшія тайны отъ царя царей,
Отрѣшись отъ самого себя, дабы ты,
Не сознавая твоего бытія, слышалъ все только слова: «Я, я есмь
Богъ» (Коранъ, 20, 14).

*Хахи ки сукунъ зи джан-и аяхъ шенэви
Вэсрар-и дэруни зи шехиншехъ шенэви
Гумъ гярдъ зи хышъ та ту эзъ хесті-и худъ
Бихудъ хеме иннани ана л-лахъ шенэви.*

Баязидъ Бастамскій пошелъ еще далѣе и, видоизмѣняя нѣсколько символъ послѣдователей Мухаммеда, сказалъ: «Нѣтъ божества, кромѣ меня, поэтому поклонитесь мнѣ; слава мнѣ и какъ высоко достоинство мое!»—*Ля иляха илля ана фѣабудуни ва субхани ма а'зама шани.*

Тѣмъ-же символомъ суть мистическаго познанія объяснялъ Абу Саидъ бенъ Аби-ль-Хейръ:

«Познавшій, вѣдущій тайну познанія,
Лишенъ самого себя и сопутствуетъ Богу:
Отрицай самого себя и утверждай бытіе Истины,
Таковъ смыслъ словъ: «Нѣтъ божества, кромѣ Бога!»

*Арифъ ки зи сирр-и марифатъ алахэстъ
Бихудъ зи худэстъ у ба худа хемрахэстъ
Нэфъ-и худъ у исбат-и вуджуд-и хакъ кунъ
Инъ ма'ни-и ля иляха илля л-лахэстъ.*

Мнѣ кажется, излишне было бы говорить о томъ, что такое убѣжденіе «шествовавшій къ Истинѣ» питаетъ не въ самый моментъ покоя, потому что тогда не различаются имъ ни отдѣльныя имена, ни отдѣльныя качества, а въ то время, когда онъ совершаетъ обратное шествіе, когда онъ вновь отрывается отъ абсолюта и обособляется, когда наступаетъ состояніе «раздѣленія послѣ соединенія»—*фаркъ бадъ аль-джамъ*, «бытія послѣ исчезновенія»—*бака бадъ аль-фана*, когда онъ становится «шествующимъ отъ Истины въ Истинѣ для Истины».

Наши мудрецы указываютъ при этомъ намъ на примѣры такихъ людей, которые путемъ продолжительнаго подвига самоотреченія и самоуничтоженія погрузились въ море единства, достигли желаннаго покоя и въ немъ навсегда какъ бы исчезли и замерли: свѣтъ ихъ ума покрытъ свѣтомъ проявленія Истины, а для окружающихъ ихъ людей, не испытавшихъ на себѣ исключительности ихъ блаженства, они кажутся «лишенными разсудка»—*маслюбъ аль-акль*; ихъ называютъ «безумцами духовнаго пути»—*валихан-и тарикатъ*. Таковымъ былъ, на примѣръ, извѣстный безумецъ Локманъ Сарахсскій (XI в.), который весь конецъ своей долгой жизни гово-

рилъ, какъ сообщаетъ Аттаръ въ своемъ «Разговорѣ птицъ»:

«Теперь я не знаю, кто я,—я не рабъ господъ (Истины), такъ что же я такое? Мое рабство исчезло, но не осталось и свободы; въ сердцѣ нѣтъ ни капли печали и радости; я сталъ безъ качествъ и не лишился ихъ; я познавшій, но не владѣю познаніемъ; я не знаю, ты еси я, или я есмь ты,—я исчезъ въ тебѣ и двойственность пропала».

Для такихъ людей болѣе не нужны никакіе подвиги, «примѣромъ ихъ не руководятся, но и не признають ихъ»—*ля юктада бихимъ ва ля юнкару алейхимъ*.

«Шествующіе въ Истинѣ», т. е. возвратившіеся въ міръ частичности для усовершенствованія несовершенныхъ и наставленія невѣждъ—*джахиль*, бываютъ, въ зависимости отъ ихъ природныхъ способностей, разныхъ степеней познанія, которыя можно соединить въ двѣ главныя. Одни, переходя отъ единства ко множеству, этимъ самымъ множествомъ временно какъ бы закрываются отъ единства, но такое состояніе при надлежащемъ пользованіи предоставленными имъ средствами и способами быстро смѣняется потеряннымъ покоемъ; это тѣ люди-суфій, которыхъ называютъ «сынами времени»—*аль-суфрийю ибну ль-вакти*, такъ какъ они находятся во власти момента, въ состояніи переменчивости; это тѣ познавшіе, которыхъ имѣлъ въ виду въ своемъ отвѣтѣ извѣстный Джунейдъ Багдадскій (IX в.), который, на обращенный къ нему вопросъ о познавшемъ, сказалъ: «цвѣтъ воды—цвѣтъ ея сосуда»—*лоуну ль-маи лоуну инаихи*. Для такихъ людей указанные выше «законъ» и «путь» продолжаютъ оставаться необходимыми по двумъ основаніямъ,—и для ихъ самоусовершенствованія, т. е. прекращенія въ нихъ переменчивости, и для направленія невѣдущихъ. Другіе «познавшіе», вслѣдствіе особеннаго достигнутаго ими совершенства, находятся постоянно въ непосредственномъ общеніи съ Истиною, но созерцають единство во множествѣ и множество въ единствѣ такъ, что одно никоимъ образомъ

не заслоняется другимъ; не смотря, однако, на всю близость къ Истинѣ и постоянное ея ощущеніе, они ни на одинъ волосокъ не сходятъ съ пройденныхъ ими ранѣ путей и настойчиво продолжаютъ отдаваться подвигамъ, которые въ нихъ являются обязательными лишь какъ примѣръ для руководимыхъ ими; такимъ образомъ «направляющимся»—*муридъ* они уступаютъ только переполняющій ихъ избытокъ, какъ совершенно ясно сказалъ Али Кумейль-ибнъ-Зіяду — *ятараишаху алейка ма ятфаху минни*, только великую собственнымъ опытомъ познанную мудрость средствъ очищенія сердца,—вложить же въ нихъ самую Истину они не въ силахъ, потому что она превышаетъ всякихъ словъ и умомъ однимъ ее не объять,—вотъ почему «познавшіе» въ отношеніи «невѣдущихъ» и являются «направляющими на истинный путь»—*муридъ*. Если мы обратимся теперь къ словамъ этихъ направляющихъ, то увидимъ въ нихъ съ одной стороны сознаніе невозможности высказать все то, что наполняетъ познаващаго, а съ другой, что единственный путь къ познанію—отреченіе отъ себя и внутренняя чистота; такія слова и мысли по преимуществу древнѣйшихъ «направляющихъ» (до XI в.) въ достаточномъ количествѣ собраны въ сочиненіяхъ Кушайри «Посланіе»—*Рисалетъ* и Джуляби «Обнаруженіе того, что задернуто завѣсой» — *Кашифъ аль-маджубъ*,—изъ нихъ я приведу для образца нѣкоторыя.

Абу-Язидъ (Бастамскій?) сказалъ: «У людей бываютъ разныя состоянія, но у познаващаго нѣтъ состоянія, потому что стираются знаки его, пропадаетъ страсть его въ страсти другаго, и исчезаютъ слѣды его въ слѣдахъ другаго».

Аль-Васыти сказалъ: «Кто позналъ Бога Всевышняго, тотъ пресѣкъся, онѣмѣлъ и исчезъ».

Сказалъ нѣкто: «Кто позналъ Бога, чиста тому жизнь и свѣтло тому существованіе и боится его всякая вещь и исчезаетъ въ немъ страхъ передъ твореніями и сходится онъ съ Богомъ».

Аль-Хусейнъ ибнъ Мансуръ сказалъ: «Признакъ

познавашаго тотъ, чтобы онъ былъ свободнымъ и отъ этой, и отъ будущей жизни».

Нѣкто сказалъ: «Кто позналъ Бога, тотъ переполненъ вѣчною и тѣсенъ ему міръ въ просторѣ его».

Аль - Шибли сказалъ: «У познавашаго не должно быть привязанности, (какъ) у любящаго — жалобы, у раба — претензій, у боящагося — спокойствія».

Аль-Джунейдъ (Багдадскій) сказалъ: «Не станетъ познающій познавшимъ, пока не будетъ подобенъ землѣ, которую попираютъ праведный и нечестивый, и облаку, которое покрываетъ тѣнію всѣ вещи, и дождю, который наполяетъ что хочетъ и что не хочетъ».

Абу-Язидъ сказалъ: «Познавшій ни во снѣ, ни наяву не видитъ ничего, кромѣ Бога, и ни съ чѣмъ кромѣ не встрѣчается и ни на что кромѣ не смотритъ». (Нельзя при этомъ не припомнить слѣдующихъ словъ того-же наставителя, но сохраненныхъ намъ въ другомъ источникѣ: «...много лѣтъ, какъ я разговариваю съ Богомъ, а люди думаютъ, что я разговариваю съ ними».)

Зуль-Нунъ аль-Мисри сказалъ: «Я позналъ Господа моего Господомъ моимъ, и если-бы не Господь мой, я не позналъ-бы Господа моего».

Нѣкто сказалъ: «Познавшій—*арифъ* выше того, что онъ говоритъ, а знающій—*алимъ* ниже того, что онъ говоритъ».

Мухаммедъ ибнъ Васи сказалъ: «Кто позналъ Бога, рѣчь того мала, а изумленіе продолжительно».

Таковъ по представленію нашихъ мудрецовъ «познавшій» и таковы его пути: приводитъ его къ Истинѣ не умъ, доказательствомъ дѣйствія утверждающій бытіе дѣйствующаго, а бдящее сердце, отрицающее бытіе свое въ чемъ либо, кромѣ Истины: Истина, создавъ тѣло человѣка, оживила его сердцемъ, а создавъ сердце, оживила его собою, — стало быть, познаніе есть жизнь сердца въ Истинѣ и отвращеніе отъ всего, что не Она.

Теперь понятно, почему въ приведенной исторіи первозданнаго человѣка такое исключительное мѣсто отведено сердцу, почему оно представлено лучезарной

святыней, проникнуть въ которую не суждено было духу мрака и зла; понятно, почему въ мистической литературѣ цѣлыя сочиненія посвящаются сердцу, какъ на примѣръ трудъ Газзали (XI в.) подъ заглавіемъ «Чудеса сердца»—*Аджаибъ ал-кальбъ*, и почему мистики-поэты такъ громко и убѣжденно призываютъ «невѣдущихъ» къ поклоненію этому внутреннему храму чело-вѣка.

«На пути къ Истинѣ», восклицаетъ Хератскій Старецъ,
«имѣется два храма (двѣ Ка'бы)—

Одинъ—храмъ внѣшній, а другой—храмъ сердца:

Доколѣ ты можешь, ты посѣщай сердца,

Потому что одно сердце—болѣе чѣмъ тысяча храмовъ (Ка'бъ)».

Даръ рэх-и худа ду ка'бе амедъ хасиль

Екз ка'бе-и сурэтэстъ у екз ка'бе-и диль

Та бетувани зіярэт-и дильха кунъ

Кефзунъ зи хезаръ ка'бе башедъ екз диль.

Ту-же мысль проводить и Хайямъ:

«Сто Ка'бъ, выстроенныхъ изъ воды и глины, не стоятъ одного сердца».

Сэдъ ка'бе-и абъ у шль бе екз диль нэрэсэдъ.

Заканчивая на этомъ мою бесѣду, я повторяю основную мысль персидскихъ мудрецовъ,—что Истина для Истины—есть смыслъ всего мірозданія; что Творецъ, отразившись въ человѣкѣ 1001 качествомъ своимъ, создавъ его самимъ собою, соединивши въ немъ два міра и изъ всѣхъ тварей только его отличивши внутреннимъ духовнымъ бытіемъ, сдѣлалъ его сосудомъ чистѣйшей любви и сокровищницей познанія,—бремя драгоценное, но тяжелое: «Мы предлагали его», сказано въ Коранѣ (33,72), «небесамъ и землѣ и горамъ, и они отказались снести его и убоялись его, и взяли его человѣкъ», такъ какъ онъ одинъ смогъ властно поправить свои страсти (*кана залуманъ*) и въ его малое сердце умѣстилась Великая Истина, не умѣщавшаяся ни на небѣ, ни на землѣ (*ля ясауни арди ва ля семин ва васиани кальбу абди*); поэтому, говорятъ суфій, познать

свою душу, очистить свое сердце отъ земной тьмы и открыть его для принятія Единой, Вѣчной Истины, въ которой исчезаетъ всяческая ложь (*джаа мь-хакку ва захака мь-батилу*, Коранъ, 17,83)—вотъ въ чемъ состоитъ назначеніе человѣка и вотъ въ чемъ долженъ заключаться его высокій земной подвигъ...
